

— Эй, парень, это ты Му Юньцин?

Му Юньцин как раз добавлял сено в кормушку для боевых коней, а услышав вопрос, обернулся.

Неподалеку стояло несколько солдат в доспехах легкой кавалерии. Му Юньцин внимательно оглядел их и заметил, что двое из этой группы казались ему смутно знакомыми. Похоже, они пришли неприятности искать.

— Верно, я самый, в чем дело? — тон Му Юньцина был крайне раздраженным.

— Хм, а парень-то дерзкий.

Му Юньцин чуть приподнял подбородок, приняв надменный вид, и вызывающе посмотрел на них.

Самый крепкий из этой компании заявил:

— Мелкий, давай без обиняков. Мой новоиспеченный братец пострадал от твоих рук, а я тут старшим братом прихожусь, так что не могу остаться в стороне. Если хочешь разойтись по-хорошему, извинись перед двумя моими братьями, и я тебя пальцем не трону. А иначе — не жди сегодня ничего хорошего.

Му Юньцин сердито швырнул сено из рук в кормушку:

— Какая болтовня! Если собрались драться, делайте это побыстрее, у меня еще работа не закончена!

Прошло не больше времени, чем требуется на чашку чаю, как в конюшне снова воцарилась тишина.

— Все сели на корточки! — несколько скорчившихся от боли мужчин выстроились в ряд на корточках прямо на земле.

— Совсем вам заняться нечем, да? Избыток силы на тренировках выплеснуть не можете, что ли? Вместо того чтобы пускать эту дурную силу на защиту родины, вы здесь своих же бьете? — Му Юньцин отчитывал их и одновременно похлопывал пристроившихся на корточках молодчиков.

— Если я еще хоть раз увижу, что вы обижаете слабых, клянусь, я так вас отделаю, что будете маму звать.

— Больше не будем, больше не будем! Вы — великий герой, мы больше ни за что не посмеем к вам лезть.

— Проваливайте! И попробуйте только в следующий раз помешать мне работать.

Несколько солдат поспешно сбежали из конюшни.

— Тьфу, с чего это он такой сильный? Почему раньше о нем ничего не слышно было?

Один из солдат тщедушного вида отозвался:

— Старший брат, этот малый — волк в овечьей шкуре. На всех смотрах он старается не привлекать к себе внимания, но тех, кто ходил к ним в палатку задирались тет-а-тет, всегда выбивали оттуда дух.

Только что избитые солдаты шли и переговаривались.

— Тьфу, мужик сказал — мужик сделал. Раз я не смог его одолеть, то и вы впредь ведите себя тише воды и больше не задирайте его. Меня даже под началом цяньвэй Лю так разгромно не били.

— О ком это вы тут толкуете? — неожиданно в разговор вмешался кто-то со стороны.

— Да тот парень из конюшни...

— Видим молодого генерала! — разглядев собеседника, солдаты тут же отдали честь.

— Мм, встаньте. Продолжайте то, о чем говорили: о ком вы?

Юноша с глазами, сияющими подобно звездам, был не кто иной, как молодой генерал лагеря новобранцев, Чжун Цзянли.

Опрошенные солдаты опустили головы и переглянулись. Цяньвэй Лю, стоявший позади Чжун Цзянли, заметив их переглядывания, сурово прикрикнул:

— Заскучали по военным палкам? Разве можно не отвечать на вопрос молодого генерала?

Солдаты тут же опустились на колени:

— Просим прощения, молодой генерал! Мы говорили о Му Юньцине из третьего отряда... мы

только что сошлись с ним в конюшне в поединке... в общем, проиграли ему.

Чжун Цзянли наклонился:

— В каком поединке? Рукопашная или стрельба из лука?

Главный из тех солдат поднял глаза на Чжун Цзянли и тут же испуганно опустил их обратно.

— Докладываю молодому генералу, рукопашная.

Му Юньцин распрямился и немного подумал:

— О~, припоминаю, ты же занял второе место на недавних состязаниях, и боевые искусства у тебя неплохие. И ты проиграл?

— Докладываю молодому генералу, проиграл. И признаю свое поражение от всего сердца.

Чжун Цзянли слегка воодушевился.

— Цяньвэй Лю, в вашем третьем отряде есть такой сильный боец, почему же его не отобрали наверх?

— Докладывал молодому генералу, у того Му Юньцина показатели во всех дисциплинах посредственные, к тому же видом он хлипкий. Я и не замечал за ним такой силы.

— О, значит, похоже, он намеренно от вас скрывался. Забавно.

Чжун Цзянли, будучи по натуре пылким юношей, оглядел стоявших перед ним солдат и, указав на одного из них, приказал:

— Ты, принеси комплект своей одежды и найди меня в моем шатре. Да, и вы все тоже заходите.

Отдав распоряжение, Чжун Цзянли повернулся и направился к своему шатру.

В палатке главного военачальника:

— Ну как, незаметно подвоха?

Трое телохранителей стояли рядом и внимательно осматривали его со всех сторон:

— Молодой генерал, лента для волос... По этой ленте сразу видно.

Чжун Цзянли вытащил из вороха разной всячины другую:

— Тогда возьму эту, старую. Так сойдет?

— Сойдет, сойдет, совсем как у обычного солдата.

— Пошли, пойдем навестим этого скрытного мастера.

Он наспех завязал волосы и нетерпеливо зашагал к выходу.

Чжун Цзянли был слегка возбужден, словно мальчишка, нашедший новую забавную игрушку. Он велел тем солдатам проводить его обратно, а трех телохранителей оставил прятаться в тени.

Услышав позади шаги, Му Юньцин обернулся и снова увидел тех же парней, но на этот раз они привели с собой еще одного новенького. Оценивая разглядывая их, Му Юньцин произнес:

— Послушайте, сколько же у вас старших братьев? Стоит мне побить одного, как тут же присылают нового!

Солдаты выглядели крайне неловко, но в присутствии молодого генерала не смели ничего возражать.

Му Юньцин уже давно обратил внимание на новичка: высокого, ладно скроенного, крепкого и пропорционально сложенного. Уже от одного того, как он стоял, исходил устрашающий напор — этот точно не был простым человеком. Му Юньцин прежде видел Чжун Цзянли лишь издали и сейчас никак не мог предположить, что перед ним стоит сам командир лагеря новобранцев, молодой генерал.

Чжун Цзянли шагнул вперед и изрек избитую фразу:

— Ты обидел моих братьев, и я пришел восстановить справедливость. Но если ты одолеешь меня, даю слово, больше никто не посмеется к тебе приставать.

Му Юньцин украдкой закатил глаза.

Чжун Цзянли принял боевую стойку.

Взгляд Му Юньцина внезапно стал серьезным: этот противник напротив заставил его ощутить

тяжелое давление. Нечто подобное он уже испытывал со своим наставником. Но давление наставника было мощным и монолитным, подобно громадному горному массиву, в то время как этот юноша излучал невероятную, звенящую остроту — казалось, будто перед ним стоит не человек, а окровавленное копье.

Поняв, что драки не избежать, Му Юньцин смахнул с одежды прилипшие травинки и тоже встал в стойку.

Чжун Цзянли резко рванулся вперед, мгновенно сократив расстояние, и ударил сбоку прямой ногой по корпусу Му Юньцина. Тот чуть сместился в сторону, пропуская удар в сантиметрах от себя, и тут же пошел на сближение.

Они обменивались ударами, завязывая яростную схватку, в которой никто не хотел уступать. Техника Чжун Цзянли отличалась свирепой мощностью, тогда как Му Юньцин преимущественно защищался, но каждый его контраудар заставлял Чжун Цзянли врасплох. После сотни с лишним обменов ударами Чжун Цзянли раззадорился еще больше.

Девятнадцатилетний Чжун Цзянли находился в том возрасте, когда кровь бурлит в жилах: пылкий юноша, жаждущий побед и обладающий неисчерпаемым запасом сил.

Му Юньцин же, напротив, начал сдавать позиции. Он изучал жесткие и мощные стили, но девушкам от природы тяжело тягаться в силе с парнями, а стиль Чжун Цзянли также строился на суровой мощи. Как Му Юньцин мог извлечь хоть какую-то выгоду из подобных столкновений лоб в лоб?

После глухого стога противники наконец разорвали дистанцию, и наблюдая за схваткой солдаты остолбенели. С самого прибытия в лагерь им еще не доводилось видеть столь ожесточенного боя.

Исход был решен. Чжун Цзянли выглядел свежим и бодрым, а его глаза сияли, не отрываясь от Му Юньцина.

Му Юньцин прикрыл рукой рот и тихонько закашлялся.

— Ты не ранен? Прости, я увлекся и ударил слишком сильно, — с легким раскаянием произнес Чжун Цзянли.

— Я проиграл! — Му Юньцин уселся на ограду конюшни, выглядя несколько расстроенным. С малых лет он занимался науками и боевыми искусствами, его по праву можно было назвать одаренным во всем. И хотя в лагере он скрывал свои способности исключительно из-за своего положения, поражение оказалось столь быстрым и безоговорочным, что его врожденная гордость неминуемо была задета.

Чжун Цзянли махнул рукой остающимся зрителям:

— Возвращайтесь.

Убедившись, что все ушли, он подсел к Му Юньцину:

— Эй, а у тебя неплохая техника. Чего ты прячешься здесь и коням сено таскаешь?

Му Юньцин свысока посмотрел на стоящего внизу парня:

— А ты? Сам-то зачем притворяешься?

Услышав такой вопрос, Чжун Цзянли озадаченно оглядел свой наряд и нерешительно провел рукой по складкам одежды.

— С чего ты взял? Вроде бы нигде не прокололся.

Встретив пыливый взгляд Чжун Цзянли, Му Юньцин вытянул ногу в сапоге и кивнул на нее.

Чжун Цзянли озадаченно уставился на его ногу и долго молчал. Не выдержав вида этой растерянной физиономии, Му Юньцин отвесил ему легкий подзатыльник.

— Ты...

— Олух. Сапоги же.

Чжун Цзянли уже было хотел отчитать его за дерзость, но подсказка моментально переключила его внимание.

— А что не так с сапогами? Они же все одинаковые!

Схватив Му Юньцина за голень, Чжун Цзянли принялся тщательно изучать его сапог, сравнивая со своим.

Лицо Му Юньцина залилось густой крамской краской, он поспешно вырвал ногу из обжигающе горячей ладони Чжун Цзянли и спрыгнул с ограды.

Чжун Цзянли ошарашенно уставился на него.

Заметив, что тот продолжает пялиться, Му Юньцин с досадой приподнял ногу и поставил сапог на низкую перекладину забора.

— Подошва. Сам посмотри, твоя подошва похожа на мою?

Чжун Цзянли поспешно взглянул на собственный сапог, потом на обувь Му Юньцина, и его лицо озарилось лучезарной улыбкой озарения.

— Вот оно что! Слушай, а ты не только дерешься отлично, но еще и чертовски наблюдателен.

Му Юньцин закатил глаза до боли в затылке:

— Сколько ударов ногами ты нанес, сам-то помнишь? Подошва твоего сапога чуть мне в лицо не прилетела!

Чжун Цзянли неловко усмехнулся:

— Настоящие мужчины сходятся в схватке, а потом становятся друзьями. — С этими словами он хлопнул Му Юньцина по спине так сильно, что тот снова закашлялся.

— Кхе, ну ты и вправду слабоват здоровьем, — смущенно протянул Чжун Цзянли, ни на секунду не допуская мысли, что дело было в его собственной тяжелой руке.

Му Юньцин бросил на него яростный взгляд и снова взобрался на изгородь.

Чжун Цзянли стоял внизу и снизу вверх смотрел на него:

— Ты так и не ответил, зачем прячешься здесь? С твоими навыками попасть в легкую кавалерию — раз плюнуть, почему ты бегаешь от этого?

— Не хочу. С какой стати на каждый вопрос должен находиться глубокий смысл? — бросил Му Юньцин, с тоской глядя куда-то в сторону.

Такой ответ явно пришелся не по душе Чжун Цзянли.

— Ты... да ты же здоровый парень, владеешь таким мастерством! Вместо того чтобы думать о защите родины на поле боя, ты прячешься в этой глуши. Тебе не стыдно носить звание мужчины?

Му Юньцин посмотрел на разгневанного юношу:

— А я никогда и не набивался в мужчины.

Чжун Цзянли от такого ответа на мгновение лишился дар речи.

Не дождавшись ответа, Му Юньцин продолжил:

— Что не так с этим местом? Разве это не фронт? По-вашему, кавалерия сможет обойтись без тех, кто остается в тылу?

Чжун Цзянли вспыхнул:

— Да ты же понимаешь, что я не об этом! С твоими способностями нужно сражаться, нужно врагов рубить, а не коням каждый день сено таскать!

— Разве ты не слышал поговорку, что у каждого свои стремления?

Уже совсем стемнело, и Му Юньцину не хотелось продолжать пустой спор с Чжун Цзянли. Он спрыгнул с изгороди, собираясь закончить раздачу оставшегося корма.

А Чжун Цзянли охватил гнев: его бесило нежелание парня стремиться к большему, отчего тон стал еще жестче:

— Если ты настроен столь безразлично, какого черта вообще пошел в армию?!

Му Юньцин только подхватил охапку сена, как из-за преисполненного презрения тона Чжун Цзянли в нем самом вскипела ярость. Пройдя пару шагов прямо к нему, он со злостью швырнул охапку сена ему в грудь.

— Думаешь, я сам рвался в армию?! Разве ты не знаешь о новом призыве? Это же ваши военачальники придумали такие правила, а теперь ты еще и с вопросами ко мне лезешь!

Чжун Цзянли растерянно замер с охапкой сена в руках. На каждый упрек Му Юньцина он отступал на шаг, получая толчок прямо в грудь, пока не отпрянул на несколько шагов назад.

Высказавшись, Му Юньцин развернулся и ушел, не оглядываясь. Чжун Цзянли так и остался стоять столбом с сеном в руках. Лишь добрую минуту спустя он пришел в себя. Долго колеблясь, не зная, куда деть сено — сбросить его или оставить, — Чжун Цзянли в конце концов тяжело вздохнул и сам добавил сено в кормушку. Затем он заполнил и остальные пустые кормушки, бормоча себе под нос:

— Тоже мне, вырос с проросток фасоли, а норов-то какой вредный.

<http://bllate.org/book/19603/1923278>